

Авелина Атталъ

Болезненный развод.
Доктор, **ВЫЛЕЧИ** меня!

Авелина Атталъ

**Болезненный развод.
Доктор, вылечи меня!**

«Автор»

2026

Атталь А.

Болезненный развод. Доктор, вылечи меня! / А. Атталь —
«Автор», 2026

Муж сказал: «Ухожу». А у меня остановилось сердце. Инфаркт. Больница. Кардиолог — мой одноклассник. Он вытаскивает с того света и не бросает в беде. Но что делать, если муж ушёл к коллеге, а мы вместе работаем? Большая компания. Хорошая зарплата. Вторую такую не найти! Каждый день они рядом. И квартира достанется ей - молодой, стройной красотке. А я остаюсь с разбитым сердцем, с лишним весом и под наблюдением. Пока ещё замужем. И всё ещё люблю предателя....Или уже нет?

© Атталь А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Я ухожу»	5
Глава 2. В палате	12
Глава 3. Посетитель	16
Глава 4. Соседка	22
Глава 5. Под окнами	27
Глава 6. Родинка	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Авелина Атталъ

Болезненный развод. Доктор, вылечи меня!

Глава 1. «Я ухожу»

Вечер был обычным. Настолько обычным, что потом я буду прокручивать его в голове сотни раз - и не найду ни одной трещины, ни одного знака, ни одного предчувствия.

Я стояла у плиты. Помешивала соус бешамель. Вполуха слушала новости из телевизора в гостиной. Ждала его. Как ждала каждый вечер последние семь лет.

Артём пришёл позже обычного. Не поцеловал в щёку. Не спросил, как прошёл день. Прошёл в спальню, потом на кухню - и я почувствовала: что-то не так. Слишком тихо. Слишком тяжело. Слишком чужой запах одеколона.

- Алис, нам надо поговорить.

Я обернулась. Ложка в руке замерла.

- М-м?

- Я ухожу.

Два слова. Три слога. Достаточно, чтобы мир треснул пополам.

Я смотрела на него - на этого мужчину, которого знала каждую морщинку, каждую привычку, каждый вздох. На мужа. На человека, который обещал мне «и в горе, и в радости». И не понимала.

- Что? - переспросила я, будто это могло что-то изменить.

- Я ухожу, - повторил он. Спокойно. Как будто говорил о сломанном кране или о том, что закончился кофе. - Я больше не люблю тебя. Прости.

- Не любишь?

- Да. - Он отвёл взгляд. - И... я не один.

Внутри что-то оборвалось. Как будто кто-то выдернул провод из розетки. Раз - и темнота.

- Кто она?

Он молчал. И это молчание было громче любых слов.

- Артём. Кто она?

- Света. Из отдела.

Я задохнулась. Света. Я знаю Свету! Каждый день я вижу ее улыбающееся лицо и периодически прикрываю ее косяки!

Молодая, ей всего двадцать два. Только после бакалавриата.

Стройная. С длинными ногами и идеальной укладкой. Ногти всегда в идеальном порядке, с маникюром.

...Та, что всегда улыбалась ему на совещаниях. Та, с которой они вместе пили кофе в перерывах. Та, что сидела в двух столах от меня.

- Мы же... - прошептала я. - Мы же работаем вместе.

- Я знаю. - Он наконец посмотрел мне в глаза. - Мне жаль.

- Жаль?!

Слово вырвалось криком. Соус на плите зашипел, пригорая. Я выключила газ дрожащей рукой.

- Ты уходишь. К ней. А я... я что должна делать? Смотреть на вас каждый день в офисе?

- Алис, давай без драмы...

- Без драмы?! - Я шагнула к нему. - Я семь лет... семь лет, Артём, готовила тебе ужин. Заботилась и любила тебя. Ждала из командировок. Общалась с твоей родней и матерью! А ты!..

- Я не просил. – ответил он сухо.

- То есть, как?.. – пробормотала я, - Ты с ума сошел?..

Тишина.

Я почувствовала, как что-то тяжёлое, раскалённое, огромное опускается на грудь. Давит. Сжимает. Не даёт дышать.

Вот это - «я не просил» - ударило сильнее, чем «ухожу».

- Ты хочешь развестись? – сдавлено спрашиваю я.

Он только кивает. И смотрит в окно! Словно ему не хочется снисходить до разговоров со мной.

- Ты точно обо всём подумал?.. – всхлипываю я.

Есть кое-что, о чем я хотела поговорить сегодня вечером. То, ради чего стала варить белый соус под остывающую в духовке белую рыбу.

Я думала, у нас будет праздник.

Пополнение семейства.

Счастье!..

Родители намекают, что давно пора. Семь лет в Москве, замужем. Работаю в крупной компании, получаю хорошую зарплату. Декретные хорошими будут.

Чего тянуть?!

- Квартира... - прошептала я, спотыкаясь. – Ты уходишь к ней?.. Где мне теперь жить?!.. Ты оставишь мне квартиру?

Мой муж промолчал.

- Артём?!

- Алис, квартира записана на меня. Это мое наследство, как ты знаешь. И... Света сейчас на съёме. Мы планировали съехаться на будущей неделе...

- Что ты планировал?!

Я хотела закричать. Хотела ударить его. Хотела разбить тарелку о стену. Но вместо этого - пошатнулась.

Пол ушёл из-под ног. В груди что-то рвануло. Резко. Больно. Так, что потемнело в глазах.

- Алиса?

Я ухватилась за край стола. Тарелка со звоном упала. Соус растёкся по полу - тёмно-красный, как...

- Алиса!

Я оседала медленно. Словно во сне. Слышала его голос - далёкий, будто из-под воды.

«Скорая!.. Блин, надо вызвать скорую!!!».

Я слышала только глухой звук своего сердца.

Оно билось. Но как-то неправильно. Слишком быстро. Слишком слабо. Будто прощалось.

Последнее, что я помню - потолок. Белый. Ровный. Квартиру мы недавно отремонтировали. Вскладчину. Очень дорого. Около миллиона пришлось взять в кредит, чтобы добавить... Помню, Артём смеялся, что отдадим кредит быстро, с нашими-то зарплатами...

А потом? Что случилось?!

Я почувствовала слёзы, которые текли по вискам в волосы.

Неприятное ощущение.

А потом - темнота.

Я открыла глаза - и не поняла, где я.

Первое, что я увидела, - потолок. Белый. Ровный. Но не тот, домашний, с лепниной, которую мы выбирали вместе с Артёмом в том огромном строительном магазине на Ленинградке. Этот потолок был казённый. С длинными лампами дневного света. С трещинкой в углу.

Больничный потолок.

Я попыталась пошевелиться - и тело отозвалось тупой, тянущей болью где-то в груди. Слабость была такая, что даже повернуть голову казалось подвигом. В левой руке торчала игла. Капельница. Рядом пищала аппаратура - монотонно, раздражающе, но почему-то успокаивающе.

Значит, жива. Раз плачет.

Где я? Что случилось?

Я попробовала собрать мысли в кучу. Соус бешамель. Рыба в духовке. Артём в дверях. «Я ухожу». Света. Квартира. Кредит. «Я не просил». Всё это нахлынуло разом - и сердце в груди сжалось так, что я задохнулась. Аппарат запищал чаще.

Я лежала и смотрела в этот чужой белый потолок. В голове всё плыло. Я не помнила, как оказалась здесь. Не помнила, как меня везли. Не помнила ничего - только его лицо. Артёма. Спокойное. Отстранённое. Будто он говорил не со мной, а с кем-то чужим.

Я попыталась вспомнить последнее, что было. Кухня. Соус. Тарелка, падающая со звоном. Тёмно-красная лужа на полу. Потолок. Белый. Но не этот. Домашний. С лепниной. А потом - темнота.

Значит, я в больнице. В кардиологии. С инфарктом. В тридцать четыре года. Из-за него.

Слёзы потекли сами - горячие, быстрые, по вискам, в волосы. Мокро. Противно. Беспомощно. Я не хотела плакать. Но не могла остановиться. Всё тело болело. Душа - ещё сильнее.

Я закрыла глаза. И в этот момент кто-то тихо приоткрыл дверь.

Не медсестра. Медсестра ходила иначе - быстро, уверенно, с шорохом крахмального халата. А этот человек вошёл почти беззвучно. Я услышала только мягкий скрип половиц под кроссовками и едва уловимый запах - что-то древесное, тёплое, чужое.

Я открыла глаза.

В дверях стоял мужчина.

Высокий. Широкоплечий. В белом халате поверх голубой рубашки. Волосы тёмные, коротко стриженные, с лёгкой проседью на висках. Усталые глаза. Лицо серьёзное, сосредото-

ченное. Он посмотрел на меня - коротко, оценивающе, как смотрят на пациента, а не на человека.

- Очнулись, - сказал он. Голос низкий, ровный. Привыкший говорить с больными. - Хорошо. Как себя чувствуете?

Я попробовала ответить - и поняла, что в горле пересохло так, что слова царапают.

- Пить... - прошептала я.

Он кивнул, подошёл к тумбочке, налил воды из бутылки в стаканчик. Приподнял мою голову одной рукой - осторожно, профессионально - и поднёс стаканчик к губам. Вода была тёплая, безвкусная, но показалась мне лучшим, что я пила в жизни.

- Спасибо, - выдохнула я, отдышавшись.

Он поставил стаканчик обратно, поправил подушку. Всё чётко, без лишних движений. Потом взял мою руку, нащупал пульс. Посмотрел на монитор. Что-то записал в планшет, который держал в другой руке.

- Где я? - спросила я.

- В кардиологическом отделении городской больницы, - ответил он. - Вас привезли ночью. Скорая. Муж вызвал.

Муж. Слово резануло. Я закрыла глаза.

- Что со мной?

Он помолчал. Поправил капельницу - ловко, привычно. Потом посмотрел на меня. Взгляд был спокойный, но внимательный. Как у врача, который собирается сказать правду, но не хочет пугать раньше времени.

- У вас был острый инфаркт миокарда, - сказал он. - Обширный. Передняя стенка левого желудочка. Это серьёзно.

- Насколько серьёзно?

- Настолько, что если бы скорая опоздала на десять минут, мы бы сейчас не разговаривали.

Я сжала одеяло пальцами. Внутри всё сжалось.

- Но вы живы, - продолжил он. - Мы вас стабилизировали. Сделали коронарографию, убрали тромб, поставили стент. Сердце сейчас работает. Но оно слабое. Повреждённая ткань не восстановится. Вам придётся жить с этим.

- Жить, - повторила я. - С этим.

- Да. С этим. - Он кивнул. - Но вы будете жить. Если будете слушаться. Никаких нервов. Никаких стрессов. Никаких потрясений. Вообще.

- Я... я умру? - спросила я.

Глупо. По-детски. Но не могла не спросить.

- Нет. - Он посмотрел на меня строго. - Если будете выполнять рекомендации - не умрёте. Вы молодая. Сердце у вас, конечно, потрёпанное, но не сдалось. Держится. А вы должны ему помочь. Поняли?

Я кивнула. Хотя не была уверена, что хочу помогать. Зачем? Чтобы лежать здесь и думать о том, как он собирает вещи? Как съезжается с ней? Как они пьют кофе на той кухне, которую я сама выбирала?

- Не плачьте, - сказал он тихо. - Нельзя вам.

Я и не заметила, что плачу. Слезы текли сами - по вискам, в волосы, на подушку. Мокро. Противно. Беспомощно.

Врач вытащил из кармана халата бумажную салфетку. Протянул мне. Не вытирал сам - просто дал. Дал мне возможность сделать это самой. Я взяла, вытерла лицо. Руки дрожали.

- Спасибо, - прошептала я.

Он кивнул. Посмотрел на монитор. Потом на планшет.

- Я ваш лечащий врач, - сказал он. - Буду вести вас до выписки. Если что-то заболит, закружится голова, станет тяжело дышать - сразу нажимайте кнопку. Медсестра придёт. Или я.

- Как вас зовут? - спросила я.

Он на секунду замешкался. Всего на миг. Но лицо осталось прежним - спокойным, профессиональным.

- Дмитрий Андреевич, - ответил он. - Можно просто - доктор.

- Доктор, - повторила я. - Хорошо.

Он ещё раз проверил капельницу. Взял планшет.

- Отдыхайте, - сказал он. - Я зайду завтра утром. И ещё - медсестра говорила, вы не ели. Вечером принесут ужин. Постарайтесь поесть. Хотя бы немного.

- Я не хочу.

- Знаю. - Он посмотрел на меня. Взгляд был ровный. Но в нём мелькнуло что-то. Всего на секунду. Потом исчезло. - Но надо. Вам нужны силы. Ребёнку тоже.

Я замерла.

- Откуда вы...

- Анализы, - коротко ответил он. - Пять недель. Ребёнок сохранился. Но ваше сердце - это риск. И для вас, и для него. Мы поговорим об этом завтра, когда вы отдохнёте. Сейчас - спать.

Он вышел. Тихо. Беззвучно. Дверь закрылась.

Я осталась одна.

Дмитрий Андреевич. Кардиолог. Высокий. Тёмные волосы. Родинка на щеке...

Я нахмурилась. Что-то царапало в памяти. Что-то знакомое. Но я не могла вспомнить. Слишком устала.

Слишком болело сердце, во всех смыслах.

Я закрыла глаза. И уснула.

Глава 2. В палате

Сон не принес облегчения. Он был тяжелым, липким, наполненным гулом аппаратуры и запахом хлорки. Когда я открыла глаза, за окном стоял серый, промозглый рассвет. Дождь барабанил по стеклу, размывая силуэты деревьев во дворе больницы.

Первое, что я почувствовала, - это не эмоции. Эмоции, казалось, выгорели вчера дотла, оставив после себя лишь пустую, гулкую пустоту. Была только тупая, ноющая тяжесть за грудиной, слабость в руках, которые казались налитыми свинцом, и противный металлический привкус во рту. Где-то на периферии сознания билась мысль: «Артём». Но она тут же наткнулась на стену боли и отступила. Я запретила себе думать о нем. Сейчас это было равносильно самоубийству.

Я попыталась пошевелиться, но тело слушалось плохо. По руке тянулась капельница, к груди липли круги датчиков. На тумбочке стояла пластиковая кружка с водой и лежала стопка каких-то бумаг.

Дверь бесшумно открылась. Вошла медсестра - молоденькая, с усталым лицом, в накрахмаленном халате.

- Очнулись? Доброе утро, Алиса Викторовна, - голос у неё был ровный, отработанный.
- Как спалось?

- Как в аду, - прошептала я пересохшими губами.

- Это нормально, - медсестра ловко проверила показатели на мониторе, измерила давление. - Сейчас придет лечащий врач. И заведующий отделением обещал заглянуть. У вас случай... резонансный.

«Резонансный». Я горько усмехнулась про себя. Еще бы. Инфаркт в тридцать четыре года. Просто от того, что муж оказался предателем, а мир - слишком хрупким.

Медсестра вышла. Тишина стала давящей. Я смотрела в потолок, испещренный трещинами, и пыталась дышать. Вдох - выдох. Вдох - выдох. Каждый вдох отдавал тупой болью в левой лопатке.

Через десять минут дверь открылась снова. Вошли двое.

Первым шагнул высокий мужчина лет тридцати пяти в белоснежном халате, накинутом на плечи. У него были коротко стриженные темные волосы с проседью на висках и усталые, но очень внимательные глаза. Взгляд цепкий, профессиональный. За ним следовал второй - полноватый, в очках, с папкой в руках.

Первого мужчину я узнала сразу. Дмитрий Андреевич, мой лечащий врач. Я даже попыталась улыбнуться ему, но вышло плохо.

Доктор посмотрел на меня, и на мгновение в его взгляде что-то дрогнуло. Но лишь на мгновение. Потом лицо снова стало непроницаемым.

- Алиса Викторовна, - сказал он ровным, сухим голосом. - Я ваш лечащий врач, как вы, я надеюсь, помните, а это - Игорь Петрович, заведующий кардиологическим отделением. Мы пришли обсудить ваше состояние.

Он сел на стул рядом с койкой, второй врач остался стоять у окна, раскрыв папку.

- Итак, - начал Игорь Петрович, пролистывая бумаги. - Диагноз подтвержден: острый инфаркт миокарда, передне-перегородочная область. К счастью, вы доставлены вовремя. Мы провели экстренную коронарографию, стентирование одного сосуда. Кровоток восстановлен. Но...

Он сделал многозначительную паузу. Я смотрела на него, и в моих глазах не было страха. Только апатия.

- Но что? - спросила я.

- Ваше сердце, Алиса Викторовна, - продолжил заведующий, - перенесло тяжелейший стресс. И это не только медицинская проблема. Это проблема образа жизни. Инфаркт в 34 года - это не приговор, но это очень серьезный звонок. У вас есть факторы риска: избыточный вес, нарушение липидного обмена, и главное - хронический стресс. Вы работаете в фирме, где, как я понимаю, конфликтная ситуация? У вас стресс на работе?

Я сжала простыню пальцами. Костяшки побелели.

- Не совсем... То есть, не только там... Как вам сказать?... Мой муж ушел к другой... А мы работаем вместе. И она тоже... Это всё сложно. И меня убивает! - сказала я ровно, почти без эмоций.

Дмитрий Андреевич едва заметно нахмурился, но ничего не сказал. Он смотрел на меня, и в его глазах было что-то, чего я не могла прочесть. Что-то, что он прятал очень глубоко.

- Вот, - кивнул Игорь Петрович. - Это и стало триггером. Но корень - в образе жизни. Вам придется многое изменить. Иначе следующего инфаркта может не быть... потому что вы его просто не переживете.

- Что мне делать? - глухо спросила я.

Дмитрий подался вперед, опершись локтями на колени. Он смотрел на меня внимательно, чуть прищурившись.

- Первое, - начал он, и голос его был сухим, чеканным, как инструкция. - Вы остаетесь в больнице минимум на две недели. Затем - реабилитация. Это не обсуждается.

- Но работа... - начала я.

- Работа подождет, - отрезал он. - Ваша работа сейчас - выжить. Это не пафос, это протокол. Далее. Вам показана средиземноморская диета. Снижение веса. Это критически важно. Вы должны сбросить минимум двадцать килограммов. Постепенно, но обязательно.

- Двадцать... - эхом повторила я.

Я представила себя - грузную, уставшую, с отеками. И где-то рядом - стройную, ухоженную Свету. Ту, к которой ушел Артём. Больно кольнуло в груди, и монитор пискнул, отражая скачок пульса.

- Спокойно!.. - мгновенно отреагировал Дмитрий. - Дышите глубже. Никаких резких эмоций. Это тоже часть лечения.

Он выждал паузу, пока пульс выровняется, и продолжил:

- Физическая активность. Начнем с малого - ходьба по коридору, потом - дозированная ходьба на улице. Никаких силовых нагрузок. Бассейн. ЛФК. Психолог. Обязательно.

- Психолог? - я усмехнулась. - Вы думаете, мне поможет психолог?

- Я думаю, что без психолога вы вернетесь к тому же состоянию, - холодно сказал он. - Ваша проблема не только в сосудах, Алиса. Она в том, как вы реагируете на мир. Вы позволили стрессу убить часть вашего сердца. Буквально.

Он сказал это без жалости. Просто констатировал факт. И от этого стало страшно!

Игорь Петрович кашлянул, перелистнул страницу.

- Также мы назначим медикаментозную терапию. Статины, антиагреганты, бета-блокаторы. Это пожизненно. Принимать строго, без пропусков. И... - он замялся, - вам придется кардинально решить вопрос с работой. Постоянное нахождение рядом с бывшим мужем и его... партнершей - это мина замедленного действия. Вам нужен покой.

- Я не могу уволиться, - тихо сказала я. - Мне нужны деньги. Ипотека. Кредит.

- Мы не говорим об увольнении прямо сейчас, - вмешался Дмитрий. - Но вы должны подумать о смене обстановки. Возможно, перевод в другой отдел. Или удаленная работа. Это в ваших интересах.

Он замолчал, глядя на меня.

- У вас есть вопросы? - спросил он.

Я молчала. Вопросов было тысячи. Почему я? Почему он? Как жить дальше, если сердце уже не то, что было? Как смотреть в глаза коллегам? Как не сойти с ума от мысли, что он сейчас с ней, а я - здесь, с капельницей и диагнозом?

Но вслух я сказала только:

- Нет. Вопросов нет.

Дмитрий кивнул и поднялся.

- Тогда отдыхайте. Через час придет медсестра на процедуры. И... Алиса!

Он назвал меня по имени. Просто. Без отчества. И в этом было что-то такое, от чего у меня защипало в глазах.

- Вы сильная. Слабость сейчас - это не капитуляция. Это передышка. Не путайте.

Он сказал это очень тихо, почти неслышно.

...Дверь закрылась.

Я осталась одна.

За окном моросил дождь. Капельница мерно отсчитывала капли. Я закрыла глаза и впервые за утро позволила себе одну-единственную слезу. Она скатилась по щеке и упала на подушку, оставив мокрое пятнышко.

Где-то в глубине больничного коридора Дмитрий остановился и, прислонившись к стене, тяжело выдохнул.

Игорь Петрович удивленно посмотрел на него.

- Ты в порядке, Дим?

- Да, - ответил он, выпрямляясь. - Просто... никогда не видел её такой.

- Ты её знаешь?

- Знаю, - коротко ответил Дмитрий. - Пойдем. У нас еще обход.

И они пошли дальше по коридору, оставив меня наедине с моим новым, тяжелым утром.

Глава 3. Посетитель

Утро началось с тишины. Не той гулкой, больничной, к которой я уже почти привыкла, а с какой-то другой - мягкой, серой, осенней. Шел дождь за окном. Я лежала, глядя в потолок, и считала трещины. Их было семнадцать. Вчера я насчитала пятнадцать. Кажется, я начинала сходить с ума.

Тело всё ещё было чужим. Руки, ноги, грудь - всё словно принадлежало кому-то другому. Кто-то другой дышал с трудом, кто-то другой морщился от боли в лопатке, кто-то другой смотрел на капельницу и думал о том, что жизнь закончилась. Я не хотела быть этим кем-то. Но выбора не было.

Медсестра принесла завтрак - овсянку без соли, чай без сахара и половинку яблока. Я посмотрела на поднос и отвернулась. Есть не хотелось. Совсем.

Впервые в жизни.

- Надо поесть, Алиса Викторовна, - мягко сказала медсестра. - У вас медикаменты. На голодный желудок нельзя.

- Я не могу, - прошептала я.

- Хотя бы пару ложек.

Я взяла ложку. Овсянка была клейкой и безвкусной. Я проглотила две ложки и отставила поднос. Медсестра вздохнула, но не стала настаивать.

После процедур я лежала, закрыв глаза, и слушала дождь. В голове было пусто. Иногда всплывали лица - Артём, Света, коллеги. Но я тут же их прогоняла. Не сейчас. Потом. Когда-нибудь. Или никогда.

Дверь открылась. Вошёл Дмитрий Андреевич. Один. В руках - планшет с моими анализами. Лицо, как всегда, непроницаемое. Но что-то в нём было не так. Какая-то тень. Какая-то натянутость в плечах.

- Доброе утро, Алиса, - сказал он. Сегодня он называл меня по имени. Без отчества. Значит, что-то случилось.

- Доброе, - ответила я. Голос был хриплый, чуть чужой.

Он сел на стул. Молча. Долго смотрел на планшет, будто не решаясь что-то сказать. Потом поднял на меня глаза.

- К вам посетитель.

Я замерла. Сердце пропустило удар, а потом забилось быстрее. Датчик на мониторе пискнул.

- Кто? - спросила я, хотя уже знала ответ.

- Ваш муж. Артём, - Дмитрий произнёс это имя ровно, без эмоций, но я заметила, как сжалась его челюсть.

Я отвернулась к окну. Дождь усилился. Капли стучали по стеклу, как чьи-то пальцы. Артём. Он пришёл. Вчера его не было. Вчера вообще никого не было. Только врачи и медсёстры. А сегодня - он.

- Я не советую его принимать, - сказал Дмитрий. Голос был спокойный, но твёрдый. - Ваше состояние ещё нестабильно. Любой стресс может спровоцировать повторный приступ. Я, как ваш врач, рекомендую отказать.

Я молчала. Смотрела в окно. Деревья гнулись под ветром, и их голые ветви царапали серое небо.

- Алиса, - позвал он. - Вы меня слышите?

- Слышу, - сказала я.

- Я хочу его видеть, - сказала я.

- Алиса Викторовна, - начал он, но я перебила:

- Он пришёл. Значит, ему есть что сказать. Или мне. Я должна услышать.

- Вы никому ничего не должны, - жёстко сказал Дмитрий. – Вы болеете!

Я повернулась к доктору. Посмотрела в глаза. В них было столько всего - тревога, злость, что-то ещё, что он прятал очень глубоко. Но я не хотела копаться в его чувствах. У меня своих было слишком много.

- Я хочу его видеть, - повторила я. - Пожалуйста.

Он выдохнул. Долго. Медленно. Потом кивнул.

- Хорошо. Пять минут. Не больше. Я буду за дверью. Если что-то пойдёт не так - медсестра зайдёт.

Он встал. Задержался на секунду. Посмотрел на меня так, будто хотел сказать что-то ещё. Но не сказал. Просто вышел.

Тишина стала звенящей. Я слушала своё сердце. Оно билось слишком быстро. Я заставляла себя дышать. Вдох - выдох. Вдох - выдох. Как учил Дмитрий.

Дверь открылась снова. И вошёл он.

Артём.

Мой муж. Всё еще...

Он был бледный. Не такой, как обычно - уверенный, гладко выбритый, в дорогом костюме. Сейчас на нём была мятая рубашка, волосы взлохмачены, под глазами тёмные круги. Он выглядел напуганным. И виноватым.

Он остановился у двери. Посмотрел на меня. И я увидела, как дёрнулся его кадык, как он сглотнул.

- Алиса, - сказал он.

Голос был хриплый, чужой.

Я смотрела на него. На человека, с которым прожила семь лет. На человека, который знал, как я люблю булки с корицей, как я боюсь грозы, как я плачу над глупыми мелодрамами. На человека, который вчера - или уже позавчера? - сказал мне, что уходит.

- Привет, - сказала я.

Ровно. Без эмоций.

Он подошёл ближе. Сел на стул, на котором только что сидел Дмитрий. Посмотрел на меня. В его глазах была боль. Настоящая или наигранная - я не знала.

- Как ты? - спросил он.

Глупо. Как можно спрашивать «как ты», когда я лежу с инфарктом в тридцать четыре?

- Жива, - ответила я. - Как видишь.

Он опустил глаза. Сжал руки на коленях. Молчал.

- Зачем ты пришёл? - спросила я.

- Я... - он запнулся. - Я не мог не прийти. Я узнал. Мне сказали. Я... я не думал, что так будет.

- Что так будет? - я смотрела на него, и во мне поднималась волна. Медленная, тяжёлая.
- Что я окажусь в больнице? Что у меня случится инфаркт? Или что тебе придётся смотреть мне в глаза?

- Алиса, - он поднял на меня глаза. В них блеснули слёзы. - Прости. Я не хотел. Я не хотел, чтобы так.

- Ты не хотел, - повторила я. - Ты не хотел, чтобы я узнала? Или чтобы я сломалась?

- Я не знаю, - прошептал он.

- Ты знал, что я буду чувствовать? - я смотрела на него, и голос мой начинал дрожать. - Ты знал, что я люблю тебя? Что ты - всё, что у меня есть? Ты знал, что я не смогу без тебя?

- Алиса...

- Ты знал, что я буду плакать ночами? Что я буду смотреть на телефон и ждать звонка? Что я буду думать, что я сделала не так? Что я недостаточно красивая? Что я толстая? Что я недостаточно умная? Что я недостаточно... всё?

Я говорила, и слова вылетали из меня, как осколки. Я не могла остановиться. Датчик на мониторе пищал всё чаще. Я чувствовала, как колотится сердце. Как больно в груди.

- Ты ушёл к Свете! Как ты мог?!, - сказала я. - В другом месте не мог шашни крутить? Она - моя коллега! Как я в глаза ей буду смотреть?! Что обо мне подумают?! Нет, я понимаю, что она моложе меня. Стройнее. Красивее. Ты ушёл, даже не объяснив, почему разлюбил!... Ты не сказал, что я сделала не так. Ты просто ушёл!!!

- Алиса, успокойся, - он потянулся ко мне, но я оттолкнула его рукой.

- Не трогай меня! - крикнула я. - Не смей меня трогать! Ты предал меня! Ты бросил меня! Ты оставил меня одну с этим... с этим всем!

Монитор пищал не переставая. Я задышалась. Грудь сдавило так, что я не могла вдохнуть. Я видела, как открылась дверь. Как вбежала медсестра. Как Дмитрий схватил Артёма за плечо и вытолкнул из палаты.

- Вон! - рявкнул он. - Немедленно вон!

Артём что-то говорил. Извинялся. Но я уже не слышала. Я слышала только писк монитора и свой собственный хрип.

Медсестра склонилась надо мной. Что-то делала с капельницей. Дмитрий держал меня за руку. Его пальцы были холодные и крепкие.

- Дыши, - говорил он. - Смотри на меня. Дыши. Медленно. Вдох. Выдох.

Я смотрела на него. В его глазах была паника. Настоящая. Он боялся. За меня.

- Вдох, - повторил он. - Выдох. Ты справишься. Ты сильная. Дыши.

Я дышала. Медленно. Боль отступала. Писк монитора становился реже. Я слышала, как за дверью Артём что-то кричит, но его голос удалялся. Медсестра вышла. Дверь закрылась.

Тишина.

Дмитрий всё ещё держал меня за руку. Я смотрела на него, и слёзы текли по моим щекам. Я не вытирала их.

Не могла пошевелиться.

- Он ушёл? - прошептала я.

- Ушёл, - сказал Дмитрий. - Больше не пущу.

Я закрыла глаза. Слезы всё текли. Я чувствовала, как его пальцы сжимают мою руку. Крепко. Надёжно. Я чувствовала его поддержку. И безразмерное доверие проснулось в моей душе.

Какой же он хороший, Дмитрий Андреевич! Как же мне повезло, что попала именно к нему! Таких чутких, заботливых докторов – еще поискать!

- Отдыхай, - сказал он тихо. - Я приду позже.

Я кивнула, не открывая глаз. Слезы стали высыхать... Дыхание выровнялось. Боль ушла. Осталась только пустота.

И его рука в моей.

Он ушёл через минуту.

Тихо. Я слышала, как закрылась дверь.

Открыла глаза. Потолок. Семнадцать трещин. Дождь за окном.

Я больше не плакала. Просто лежала. И думала о том, что, кажется, только что потеряла что-то очень важное...

Я не знала, что теперь делать, и что будет дальше.

Я ничего не знала. Я просто дышала. Вдох - выдох. Вдох - выдох. Как учил Дмитрий.

За дверью, в коридоре, Дмитрий Андреевич стоял, прислонившись к стене, и смотрел на закрытую дверь палаты №11. Медсестра проходила мимо, но он её не заметил. Он думал о том, что чуть не потерял её. Второй раз в жизни.

В первый раз - когда она уехала из города и поступила в институт в Москве.

Во второй - сегодня.

Он сжал кулаки и пошёл в ординаторскую. Ему нужно было написать назначения. И успокоиться. Потому что он не имел права показывать ей, что беспокоится. Он был её врачом. И только.

Может, потом, когда-нибудь, он скажет, что знал ее. В детстве. И что воспоминания о первой детской любви всегда грели его сердце.

Но это потом, при случае... Когда она поправится.

А пока - он просто шёл по коридору. И дождь стучал по стеклу.

И где-то в палате №11 Алиса считала трещины на потолке. И думала о том, что жизнь, кажется, ещё не закончилась.

Глава 4. Соседка

Дни в больнице тянулись медленно. Я научилась различать время по звукам: вот гремит тележка с завтраком, вот медсестра меняет капельницу, вот в коридоре начинается утренний обход. Дмитрий Андреевич заходил дважды в день - утром и вечером. Говорил коротко, по делу: давление, анализы, назначения. Смотрел внимательно, но отстранённо. Я не искала в его взгляде ничего, кроме профессионального. Мне было не до этого.

Артём больше не приходил. Дмитрий сдержал слово. Я не спрашивала, пытался ли муж прорваться ко мне.

Не хотела знать.

Иногда я ловила себя на том, что смотрю на телефон, лежащий на тумбочке. Чёрный экран, ни одного сообщения. Я не знала, чего жду. Может, что он напишет. А может, что перестану ждать. Ни того, ни другого не происходило.

На четвёртый день моего пребывания в палате №11 привезли соседку.

Я услышала шум в коридоре - скрип колёс, голоса, чьё-то тяжёлое дыхание. Дверь открылась, и медсестра вкатила каталку. На ней лежала женщина. Пожилая, грузная, с седыми волосами, собранными в жидкий пучок. Лицо бледное, в глубоких морщинах, но глаза - живые. Очень живые. Они сразу нашли меня, несмотря на усталость и боль.

- Здравствуй, милая, - сказала женщина. Голос был низкий, с хрипотцой, но тёплый. - Вот, значит, кто здесь лежит. А я думала, одна буду.

Медсестра помогла ей перебраться на койку у окна. Женщина кряхтела, хваталась за поручни, но не жаловалась. Только когда улеглась, выдохнула и посмотрела на меня.

- Нина Петровна, - представилась она. - А тебя как звать?

- Алиса, - ответила я.

- Алиса, - повторила она, будто пробуя имя на вкус. - Красиво. Как в сказке. Про Алису в Стране чудес.

- Только я не в Стране чудес, - сказала я. - Я в кардиологии.

Нина Петровна хмыкнула. Потом закашлялась. Я смотрела, как она прижимает руку к груди, как морщится от боли. Медсестра дала ей воды, поправила капельницу и вышла.

- Ты давно здесь? - спросила Нина Петровна, отдышавшись.

- Четвёртый день.

- А я неделю уже. Инфаркт. Второй. Первый был пять лет назад. Тогда легко отделалась. А сейчас... - она махнула рукой. - Сейчас хуже. Врачи говорят, надо операцию. Шунтирование. А я боюсь. Вот и лежу. Думаю.

Она замолчала. Я тоже молчала. Не знала, что сказать. Сочувствовать? Советовать? Я сама была в таком же положении - лежала и думала, как жить дальше.

- А ты чего такая молодая? - спросила Нина Петровна, повернув голову в мою сторону.
- Инфаркт в твоём возрасте - это как?

Я не ответила сразу. Смотрела в потолок. Семнадцать трещин. Я знала их наизусть.

- Стресс, - сказала я наконец. - Муж ушёл к другой. Работаем вместе. И она тоже...

Нина Петровна присвистнула. Тихо, но выразительно.

- Вот оно что. Значит, сердце не выдержало. Бывает. У меня тоже так было. Муж мой, царствие небесное, тоже гулял. Только тогда это по-другому называлось. Не «ушёл к другой», а «ушёл в загул». Но суть та же. Баба у него была, молодая. Красивая. А я - старая, толстая, с тремя детьми на руках.

Она замолчала. Я слушала. Впервые за эти дни мне было не всё равно, что говорит кто-то другой. Впервые чьи-то слова не пролетали мимо.

- И что вы сделали? - спросила я.

- Ничего, - сказала Нина Петровна. - Плакала. Страдала. Детей растила. Работала на двух работах. А он приходил, уходил. Гулял. Потом бросил её. Вернулся. Я приняла. Дура была.

Она повернулась ко мне. Глаза у неё были усталые, но ясные. Очень ясные.

- А потом он умер, - сказала она. - Рак. Сгорел за три месяца. Я его выхаживала. Всё ему простила. А он перед смертью сказал: «Прости меня, Нинка. Я тебя всю жизнь не ценил». И знаешь, что я почувствовала?

- Что?

- Ничего, - сказала она. - Пустоту. Я сорок лет ждала этих слов. Сорок лет. И когда услышала - они уже ничего не значили. Потому что я потратила эти сорок лет на ожидание. Вместо того чтобы жить.

Она снова замолчала. За окном стучал дождь. Капельница мерно отсчитывала капли.

- Ты вот что, Алиса, - сказала Нина Петровна. - Ты - не я. Тебе лет сколько?

- Тридцать четыре.

- О! Тридцать четыре... Вся жизнь впереди. И знаешь, что я тебе скажу? Тебе повезло.

Я повернулась к ней. Не поняла.

- Повезло? - переспросила я. - Мне?

- Тебе, - твёрдо сказала она. - Ты избавилась от гнилого человека. Пока он тебя не сожрал. Пока ты ещё молодая. Пока ты можешь начать заново. У тебя нет трёх детей на руках. Ведь нет?

- Нет. – удивилась я.

- Повезло! Ох, как тебе повезло – не рожать от козла!.. У тебя есть работа. Есть руки, ноги, голова. И сердце. Да, оно сейчас болит. Да, оно сломалось. Но оно ещё бьётся! И ты можешь его починить. Не для него, для себя. И заживешь новой жизнью, как выпишешься отсюда. Вот!

Я посмотрела на старушку. И почувствовала, как что-то внутри что-то шевелится. Теплое, большое... Что-то, что я старательно давила все эти дни. Что-то, что было похоже на злость и на обиду.

А еще - на желание жить.

- Он не стоит твоих слёз, - продолжила Нина Петровна. - И уж точно не стоит твоего сердца. Ты его чуть не отдала. За просто так. За человека, который выбрал другую. А ты выбери себя. Слышишь? Себя выбери.

Я закрыла глаза. Вдох - выдох. Вдох - выдох. Слёзы не шли. Впервые за эти дни не шли.

- Я не знаю, как, - прошептала я.

- Никто не знает, - сказала Нина Петровна. - Но ты попробуй. Просто попробуй. Для начала - съешь суп. Вон, принесли уже. А то ты вон какая бледная. Тебя ветром качает.

Я открыла глаза. На тумбочке действительно стояла тарелка с супом. Я не заметила, когда её принесли.

Насчет ветра – старушка приукрасила. С моими-то боками, я как столб – любой ветер выдержу.

А вот Светку унесёт, да. Она стройная, мерзавка!

- Я не хочу, - сказала я.

- А ты не «хочу». Ты «надо», - отрезала Нина Петровна. - Надо, Алиса. Себя надо беречь. Своё сердце надо беречь. Свою жизнь. Давай. Ложку за меня. Ложку за тебя. И ещё одну - за твою новую жизнь. Которая начнётся, когда ты выйдешь отсюда.

Я посмотрела на суп. Потом на Нину Петровну. Потом снова на суп. Взяла ложку. Первая ложка далась тяжело. Вторая - легче. Третья - почти нормально.

Нина Петровна смотрела на меня и улыбалась. Морщины на её лице разгладились, и она стала похожа на добрую бабушку из сказки. Из той самой, где Алиса попадает в Страну чудес.

- Вот и умница, - сказала она. - Вот и хорошо. А теперь давай спать. Утро вечера мудренее. И знаешь что?

- Что?

- Ты поправишься. Я знаю. У меня глаз намётанный. Ты поправишься и будешь счастливой. Назло ему. Назло всем. Себе на радость.

Она отвернулась к окну и вскоре засопела. А я лежала с открытыми глазами и смотрела в потолок. Семнадцать трещин. Дождь за окном. Вкус супа во рту.

И где-то глубоко внутри - впервые за эти дни - что-то похожее на надежду.

Утром Нина Петровна проснулась раньше меня. Я услышала, как она кряхтит, усаживаясь на койке, как тянется за стаканом воды. Открыла глаза. За окном всё ещё моросил дождь, но небо было чуть светлее, чем вчера.

- Проснулась? - спросила Нина Петровна. - Вот и хорошо. Давай завтракать. Вон, кашу принесли. И чай. Нельзя на голодный желудок таблетки пить.

Я села. Медленно, осторожно. Грудь ещё болела, но уже не так, как в первые дни. Я взяла ложку и начала есть. Овсянка была такой же безвкусной, как и всегда, но сегодня я доела почти всю тарелку.

Нина Петровна смотрела на меня одобрительно.

- Вот, - сказала она. - Уже лучше. А то вчера вон лежала, как будто и не живая вовсе.

- Я и не живая была, - сказала я. - Почти.

- Ну, теперь-то живая, - отрезала Нина Петровна. - И давай, рассказывай. Что у тебя за работа такая, что ты до инфаркта себя довела?

Я оставила тарелку. Не хотела об этом говорить. Но почему-то именно с ней - с этой чужой, пожилой, больной женщиной - мне вдруг захотелось быть честной.

- У меня нервная работа, это верно, - сказала я. - Постоянные дедлайны... Я работаю в отделе маркетинга. В головном офисе. До этого была пиарщиком - тоже много переживала. Постоянно дедлайны, скандалы, срочные проекты. А когда меня повысили и перевели из филиала в головной офис, я вообще начала выкладываться по полной. Думала, что должна доказать, что я достойна. Что я не просто толстая тётка из провинции. Что я могу.

Я замолчала. Нина Петровна слушала внимательно, не перебивая.

- И как? - спросила она. - Доказала?

- Доказала, - горько усмехнулась я. - Только теперь лежу здесь. С инфарктом. И никому не нужна.

- Себе ты нужна, - сказала Нина Петровна. - Это главное. А работа... работа - она никуда не денется. Или денется. И туда ей и дорога. Здоровье-то одно. Ты вот что, Алиса. Ты когда отсюда выйдешь - ты на работу не сразу беги. Ты подумай. Нужна ли тебе эта гонка. Нужны ли тебе эти дедлайны. Слово-то какое гадкое!.. Нужен ли тебе этот головной офис, где ты себя загоняла до инфаркта? Может, тебе другая жизнь нужна. Потихе. Поближе к себе.

Я смотрела на неё и думала: а ведь она права. Я столько лет бежала куда-то. Доказывала что-то кому-то. Артёму. Коллегам. Себе. А в итоге - вот она я. В больничной палате. С капельницей. И с пустотой внутри.

- Я подумаю, - сказала я.

И впервые за эти дни это было не отговоркой. Я действительно собиралась подумать.

Глава 5. Под окнами

Прошло два дня. Нина Петровна оказалась права - я начала есть. Не через силу, не потому что «надо», а потому что действительно захотела. Овсянка всё ещё была безвкусной, но я доедала её до конца. Суп, котлета на пару, компот. Всё это казалось мне пресным, я привыкла и любила совсем другую пищу, но тело, изголодавшееся по нормальной жизни, принимало еду с благодарностью.

И я сама удивлялась этому! Впервые мне не хотелось бургера или суши. И я научилась ценить вкус простой артезианской воды!

А до болезни любила газировку.

Зря, конечно.

Дмитрий Андреевич заходил, как обычно, дважды в день. Смотрел анализы, кивал, говорил коротко: «Давление стабильное. Сердечный ритм восстанавливается. Продолжаем».

Иногда я ловила на себе его взгляд - внимательный, чуть задержавшийся. Но он тут же отводил глаза, словно стеснялся, и уходил. Я тогда не думала об этом. Мне было не до того.

С Ниной Петровной мы постоянно разговаривали. Много. Обо всём. О её детях - сыне и двух дочках, которые жили в других городах и звонили редко. О её муже, который умер. О её страхе перед операцией. И о моей жизни - о том, как я выкладывалась на работе, как старалась быть хорошей женой, как не замечала, что Артём давно уже не тот человек, за которого я выходила замуж.

- Ты его идеализировала, - сказала Нина Петровна однажды. - Ты видела не его, а свою мечту о нём. А он оказался обычным. Слабым. Гнилым.

- Я любила его, - сказала я.

- Любила, - согласилась она. - Но любовь - она не должна быть в одни ворота. А у вас так было. Ты вкладывалась. А он принимал. И потом нашёл ту, которая, как ему показалось, даст больше. Только знаешь что? Он и ей изменять будет. Потому что дело не в тебе. Дело в нём.

Я не спорила. Не было сил спорить. И, наверное, она была права.

На третий день - или это был уже пятый? Я сбилась со счёта – случилось кое-что необычное.

Я лежала, читая старый журнал, который принесла медсестра. Нина Петровна дремала. Дождь закончился, небо было серым, но сухим. За окном был самый обычный больничный двор - чахлые деревья, скамейка, урна, асфальтовая дорожка, ведущая к главному корпусу. Ничего интересного, я пару раз уже вставала и всё разглядела.

И вдруг я услышала крик.

- Алиса! Алиса, прости меня!

Я вздрогнула. Журнал выпал из рук. Сердце пропустило удар. Датчик пискнул.

- Что это? - спросила Нина Петровна, проснувшись. - Кто это?

Я приподнялась на локте. Медленно, осторожно, потому что грудь ещё отзывалась болью. Посмотрела издали в окно. Внизу, под окнами отделения, стоял Артём. В той же мятой рубашке, с взлохмаченными волосами. Он запрокинул голову и кричал. Кричал в наше окно.

- Алиса!.. Я знаю, ты там! Прости меня! Я дурак! Я всё понял! Алиса!..

Я замерла. Посмотрела на него сверху вниз.

Он казался маленьким, жалким, чужим. Не тем Артёмом, за которого я выходила замуж. Не тем, с кем прожила семь лет. А взбалмошным человеком, который кричал под окнами больницы, как герой дешёвой мелодрамы.

- Это он? - спросила Нина Петровна. - Муж твой?

- Он, - сказала я.

- Не подходи к окну, - резко крикнула она. - Слышишь? Отойди.

- Но...

- Отойди, я сказала. Не смотри на него. Это спектакль. Он играет для тебя. И для себя. И для всех, кто слышит. Ты ему не нужна. Ему нужно, чтобы ты его простила. Чтобы он почувствовал себя хорошим. А ты потом опять будешь лежать с разбитым сердцем. Только на этот раз - буквально.

Я отшатнулась от окна. Легла обратно на подушку. Сердце колотилось. Датчик пищал. Я заставила себя дышать. Вдох - выдох. Вдох - выдох.

Артём продолжал кричать.

- Алиса! Я знаю, что виноват! Я всё исправлю! Ты только прости меня! Алиса!..

Я закрыла глаза. Слезы жгли веки, но не шли. Не шли. Я держалась.

Нина Петровна приподнялась на койке. Посмотрела в окно. Потом на меня.

- Держись, - сказала она. - Он уйдёт. Они всегда уходят. Главное - ты не подходи к окну. Не отвечай. Пусть кричит. Это его позор, не твой.

Я кивнула. Лежала, глядя в потолок. Семнадцать трещин.

Я считала их, чтобы не слышать его голос.

Один. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь. Восемь. Девять. Десять. Одиннадцать. Двенадцать. Тринадцать. Четырнадцать. Пятнадцать. Шестнадцать. Семнадцать...

Артём не уходил. Он кричал снова и снова. Просил прощения. Говорил, что любит. Что ошибся. Что не может без меня.

Каждое слово - как ножевой удар, и сразу по сердцу!

Датчик запищал еще сильнее...

Но я не подходила к окну. Я лежала. Дышала. Считала трещины.

Потом я услышала другие голоса. Мужские. Грубые.

Я не встала, но Нина Петровна посмотрела в окно.

- Охранники, - сказала она. - Наконец-то. Идут к нему.

Я услышала, как Артём что-то кричит в ответ. Как его голос удаляется. Как хлопает дверь машины. Как заводится мотор. И потом - тишина.

Нина Петровна откинулась на подушку.

- Уехал, - сказала она. - Прогнали. И правильно. Нечего тут цирк устраивать.

Я лежала. Смотрела в потолок. Сердце постепенно успокаивалось. Датчик пищал всё реже. Я дышала. Вдох - выдох.

- Ты как? - спросила Нина Петровна.

- Не знаю, - сказала я. - Пусто.

- Это хорошо, - сказала она. - Пусто - это лучше, чем больно. Значит, отпускает. Значит, ты начинаешь выздоравливать. Не только сердцем. Душой тоже.

Я закрыла глаза. Впервые за эти дни мне не хотелось плакать. Не хотелось кричать. Не хотелось ничего. Только лежать. И дышать. И, может быть, спать.

Дверь открылась. Вошёл Дмитрий Андреевич. Быстро, чуть резче, чем обычно. Посмотрел на меня. Потом на Нину Петровну. Потом снова на меня.

- Вы в порядке? - спросил он.

Голос был ровный, но в глазах - тревога. Настоящая.

- В порядке, - сказала я.

- Я слышал, что здесь было. Охрана сообщила. Я хотел убедиться...

- Я не подходила к окну, - сказала я. - Нина Петровна не дала.

Он посмотрел на неё. Нина Петровна кивнула.

- Не дала, - подтвердила она. - И правильно. Нечего ей на этого клоуна смотреть.

Дмитрий Андреевич выдохнул. Медленно. Посмотрел на меня. И в этом взгляде было что-то такое, от чего у меня зашипало в глазах. Но я не заплакала.

Не сейчас.

- Хорошо, - сказал он. - Если что-то понадобится - нажмите кнопку. Я буду в отделении.

Он вышел. Тихо. Я смотрела на закрытую дверь. И думала о том, что он пришёл. Услышал. Прибежал. Проверить. Убедиться, что я в порядке.

Нина Петровна хмыкнула.

- А этот-то, - сказала она. - Врач твой. Он к тебе неровно дышит. Ты заметила?

- Он просто врач, - сказала я.

- Ага, - сказала Нина Петровна. - Просто врач. Который прибежал сюда, как только услышал, что твой муж под окнами орёт. Просто врач. Который смотрит на тебя так, будто ты - всё, что у него есть. Просто врач. Ну-ну.

Я не ответила. Закрыла глаза. Но где-то глубоко внутри - в том месте, которое ещё вчера было пустым - что-то шевельнулось. Что-то тёплое. Что-то, чему я боялась дать имя.

Я не думала об этом. Не сейчас. Потом. Когда-нибудь. Или никогда.

Я просто лежала. Дышала. Считала трещины. И впервые за эти дни мне не было страшно.

Глава 6. Родинка

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.